

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОППОНЕНТ КАК АДРЕСАТ МАЯКОВСКОГО

Аннотация. На протяжении всего творчества Владимира Маяковского его сопровождали самые разные по своей окрашенности и направленности критические отзывы. Они образовывали нечто вроде разнополюсных оппозиций, по одну сторону которых утверждалось определенное личностное качество поэта и героя его лирики, а на другой отстаивалось ему противоположное, также имеющее аргументы (развязность – застенчивость, грубость – нежность, цельность – раздробленность). Такое многообразие мнений современников о личностных качествах Маяковского и свойствах его поэзии связано с изменением характера и поведения поэта и его лирического героя в зависимости от обстановки и адресата поэтического обращения.

В статье утверждается закономерность, характерная для авторов разных репутаций поэта. Представление о нем как о грубияне, хулигане в поэзии, хаме и самовлюбленном рекламисте часто принадлежало перу критиков-эмигрантов либо литературных противников Маяковского (назовем имена Р. Гуля, П. Пильского, В. Ходасевича, С. Космана, Г. Адамовича, А. Яблоновского). Напротив, мягким, застенчивым человеком, и в то же время поэтом-трибуном, цельным поэтическим монолитом представал Маяковский в глазах литературных сторонников и «сочувствующей» критики (Н. Асеев, К. Зелинский, В. Шершеневич, В. Каменский, Д. Бурлюк). Можно констатировать существование взаимосвязи между репутацией Маяковского и тем кругом воспринимающей публики, на основе чьих суждений она складывалась. Немаловажную роль в формировании поэтической репутации Маяковского сыграл и известный момент идентификации личности поэта с личностью автора резюме, либо прибавлявший положительности его облику, либо умалявший ее. Статья воссоздает и анализирует устойчивый тип поэтической репутации В. Маяковского, сложившийся на основе обращенности его поэзии к литературным оппонентам как потенциальным адресатам, – с учетом названных особенностей формирования поэтической репутации.

Ключевые слова: Маяковский; восприятие; литературные современники; оппоненты; репутация.

Сведения об авторе: Култышева Ольга Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: 628609, Россия, г. Нижневартовск, ул. Мира, 3б, ауд. 305; тел.: 8(3466)27-35-10; e-mail: kultisheva@inbox.ru.

О. М. Kultysheva

LITERATURE OPPONENT AS A MAYAKOVSKY ADDRESS

Abstract. Throughout the work of Vladimir Mayakovsky, he was accompanied by a variety of critical reviews in their color and focus. They formed something like opposite pole oppositions, on one side of which a certain personal quality of the poet and hero of his poetry was asserted, and on the other side he defended the opposite, also having arguments (swagger – shyness, rudeness – tenderness, wholeness – fragmentation). Such a diversity of opinions of contemporaries about the personal qualities of Mayakovsky and the properties of his poetry is associated with a change in the character and behavior of the poet and his lyrical hero, depending on the situation and the addressee of the poetic appeal.

The article establishes a pattern characteristic of the authors of different poetry reputations. The idea of him as a rude, hooligan in poetry, snapper and a narcissist advertiser often belonged to critics who emigrated or to literary opponents of Mayakovsky (let's call the names R. Gull, P. Pilsky, V. Khodasevich, S. Kosman, G. Adamovich, A. Yablonovsky). On the contrary, Mayakovsky appeared as a soft, shy person, and at the same time a tribune poet, a solid poetic monolith in the eyes of literary supporters and “sympathetic” critics (N. Aseev, K. Zelinsky, V. Shershenovich, V. Kamensky, D. Burluk). It can be stated that there is a relationship between the reputation of Mayakovsky and the circle of

the perceiving public, on the basis of whose judgments it evolved. An important role in shaping the poetic reputation of Mayakovsky was played by the well-known moment of identifying the poet's personality with the personality of the author of the summary, either adding to the positiveness of his appearance, or detracting from it. The article recreates and analyzes the stable type of poetic reputation of V. Mayakovsky, which was formed on the basis of his poetry's appeal to literary opponents as potential recipients, taking into account the mentioned features of the formation of poetic reputation.

Key words: Mayakovsky; perception; literary contemporaries; opponents; reputation.

About the author: Kultysheva Olga Mikhailovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology and Mass Communications, Nizhnevartovsk State University.

О восприятии участниками литературного процесса личности поэта В. Маяковского можно говорить как о восприятии межличностном – оценке человека человеком (Култышева 2003). Свидетельства современников Маяковского, отражающие его сложные взаимоотношения с оппонентной аудиторией (причем как буржуазной, так и пролетарской литературной критикой), можно разделить на два противоположных друг другу блока. Сходятся они в одном – в том, что поэт действительно допускал грубые выходы в сторону оппонентов (это документально зафиксированный факт⁶). Однако касательно природы грубости и ее правомерности мнения расходятся.

Согласно первому блоку мнений, Маяковский был непозволительно груб со своими оппонентами (да и с обычной публикой, приходившей на выступления), подчас не дававшими ему ни малейшего повода для проявления агрессии. Но таково уж свойство характера самого Маяковского и кредо групп, к которым принадлежал или стремился принадлежать поэт, – футуристов и большевиков, что грубость и бестактность в отношении окружающих стали для него нормой. О футуристах, одним из лозунгов избравших эпатаж, стремившихся к скандальной славе, ходили легенды. Города, запланированные футуристами для посещения во время своего турне по стране 1913–14 гг., заранее готовились к приему «хулиганов». Градоначальники подписывали указы, запрещавшие футуристам касаться в своих выступлениях Пушкина и современной власти, а также выделяли усиленные наряды для контроля над выступлениями. И не зря: как сообщал некто «Кий» в статье с красноречивым названием «Удостоились», во время футуристского вечера «обнаглевшие типы <...> издевались, глумились» над публикой, почитая ее «дурой» (РГАЛИ. Ф. 2577. Кий). Больше всех стремился к скандалу молодой футурист В. Маяковский, уже в то время очевидный лидер движения. Вот свидетельство «Одесских новостей» от 18 января 1914 г. о том, как проходил вечер футуристов. Публика (в том числе и критика) была настроена лояльно к футуристам. Даже П. Пильский, в недалеком будущем ярый противник Маяковского, сказал в начале встречи «похвальное, приветственное слово приехавшим в Одессу футуристам» (Катанян 1985: 83). Однако Маяковский, одетый в неприличный розовый пиджак, вел себя очень развязно и во время вечера стремился свести «какие-то счёты с критиками, с Яблоновским» (Катанян 1985: 83). Мало того, что футурист постоянно подчеркивал свое превосходство над собравшимися, которых он презрительно называл «толпой», во всем его облике было «плохо <...> скрываемое желание вызвать шум, скандал, протесты». Маяковский сознательно провоцировал «драку», повторяя, что «будет очень рад, если его освижут» (Катанян 1985: 83). Однако благовоспитанная публика держала себя в рамках приличия, и никто не свистал. Подобные случаи описывались в газетах городов, подпадавших под турне футуристов, так часто, как проходили вечера футуристов, и обычно их содержание было адекватным процитированному выше (при этом «обращает на себя внимание факт наличия в печати и хвалебных статей, написанных по разным поводам, признающих величие и разносторонность поэтического дара молодого футуриста» (Култышева 2001: 59)).

⁶ Так, Этторе Ло Гатто вспоминал, что Маяковский в парижском кафе «La rotonde» «оскорблял «эмигрантов», «загнивший Запад», «буржуазную культуру», выражая сожаление, что нельзя превратить слишком сумрачный Notre Dame в рабочий клуб» (Ло Гатто 1992: 115).

Помимо того, что футуристы и, в частности, Маяковский, отличались элементарным неумением вести себя в обществе, они стремились и поэтическим текстом оскорбить предполагаемого оппонента, в котором видели ненавистные им черты буржуазного мещанина. Причем эту черту поэзии – ругательную интонацию и жестокость по отношению к объекту бичевания – Маяковский пронес через все свое творчество, с той только разницей, что после революции немного изменился адресат, или, точнее, объект приложения «грубости» – им стали советский обыватель и чиновник-бюрократ. В. Брюсов, в целом положительно относившийся к Маяковскому, оправдывавший его «перегибы» в разоблачениях и «бичеваниях», считавший, что «Маяковский нашел речь, соединяющую <...> фельетонную хлесткость с художественным тактом», тем не менее отмечал, что недостатки его поэзии в частом преобладании этой самой хлесткости (Брюсов 1975: 516).

О наличии хлесткости как о характерной особенности стиха Маяковского писал и М. Осоргин (Осоргин 1924: 456), однако его оценка лишена сочувственно-оправдательных интонаций Брюсова. Признавая, что Маяковский – «высокий мастер кованного, дерзкого <...> стиха», Осоргин, тем не менее, не может оправдывать жесткость необходимостью изобличить «вредителей», мешающих становлению советского строя, поскольку этим стихом поэт чаще «бьет по *хилым* головам», издевается над беззащитными, не могущими противостоять ударам. «Он поэт не только «борьбы», – делает вывод критик, – но и кровавой драки, <...> вызова, наглого удара, не попадающего мимо» (Осоргин 1924: 456).

Точки зрения, подобные мнению М. Осоргина, нашли отражение в книге Ю. Карабчиевского «Воскресение Маяковского», которая стала своего рода квинтэссенцией неприятия «методов» Маяковского. «В нас стойко сидит представление <...>, что дореволюционный <...> Маяковский <...> мужественно противостоял силе, а послереволюционный – силе служил. На самом деле <...> он <...> всегда противостоял слабости», – писал Карабчиевский (Карабчиевский 1990: 49). «Припоминая» Маяковскому его многочисленные способы издевательств над ни в чем не повинной публикой (как-то: желтую кофту, внешние данные, громоподобный голос, вопиющую бестактность («Радостно плюну <...> в лицо вам»... Эти стихи он читал, *тыча пальцем* в конкретных людей в зале и даже плюя с эстрады в первые ряды» (Карабчиевский 1990: 49)), критик делает вывод, что знаменитые маяковские «Голгофы аудиторий» следует признать поэтической гиперболой, выражением скорее отношения поэта к залу, чем зала к поэту.

Однако, это мнения оппонентов Маяковского – эмигрантского критика и литературного противника. В этом случае рассчитывать на объективность мало приходится. Более показательно свидетельство литературного коллеги Маяковского – экс-футуриста В. Каменского. В своих воспоминаниях «Маяковский-юноша в Тифлисе» Каменский описал восторженный прием, оказанный в городе во время гастрольной поездки поэта, а также Д. Бурлюка и автора воспоминаний по 29-ти городам России в 1913 году (РГАЛИ. Ф. 1497. Л. 6–7). Ничто не предвещает скандала, все тихо, спокойно. Но это-то и не по душе Маяковскому. Он сознательно искал скандала с публикой. «В день отъезда <...> Володя сказал, – вспоминает Каменский, – Тифлис великолепен. Но здесь *скучно* – все успех и никаких скандалов, никаких драк. <...> Поедем лучше в Москву, – там разные яблоневские, измайловы, брешко-брешковские... Надо им поддать жару» (РГАЛИ. Ф. 1497. Л. 6–7). Каменский восторженно принимает боевой азарт Маяковского как признак молодого поэтического полнокровия, здоровой силы: «Маяковский, отдохнувший на пышных встречах тифлисского успеха, рвался в бой, сжимая кулаки» (РГАЛИ. Ф. 1497. Л. 12). Публика, встречавшая поэта «залпом разрывающихся сердец» (выражение Каменского), быстро *надоедала* ему; мало того, он отзывался о ней с некоторой долей презрения («Прямо как в гостях у доброй тети» (РГАЛИ. Ф. 1497. Л. 11)) и неизменно искал терний.

Так же, как публика зачастую была благожелательно настроена по отношению к Маяковскому, почти безоговорочно попустительствуя его «издевательствам» в свой адрес, *отно-*

нентная критика бывала миролюбива и даже восторженна в восприятии поэта и его творчества. И. Эренбург вспоминал в книге «Люди, годы, жизнь» реакцию именитых современников на чтение Маяковским своих произведений: «Вяч. Иванов <...> благожелательно кивал головой. <...> А. Белый слушал не просто – иступленно и, когда Маяковский кончил чтение, вскочил настолько взволнованный, что едва мог говорить. Его восторг разделяли почти все... Но Маяковского *разозлила* чья-то холодная *вежливая* фраза. Так с ним всегда бывало – он как бы не замечал лавров, искал тернии» (Эренбург 1961: 400). Сей факт может служить еще одним подтверждением известной мнительности и уязвимости поэта, проистекающей, по словам Б. Лившица, из его комплекса собственной малозначительности, на первый взгляд парадоксально не вязавшейся с имиджем «человека-гранита» (Лившиц 1933: 161–162). Помимо указаний на нетерпимость Маяковского к холодности восприятия его стихов (они должны были вызывать либо восторг, либо ненависть!) сохранились свидетельства «черной неблагодарности» поэта по отношению к поклонникам его творчества. Среди них – один из столпов советской литературы М. Горький, по воспоминаниям племянника супруги писателя (М.Ф. Андреевой) Б. Юрковского (его дневник хранится в архиве А. М. Горького), всегда «восторгавшийся им» (Катанян 1985: 115), защищавший поэта от нападок публики (на что указывал и Ю. Анненков (Анненков 1960: 67–68)). Несмотря на расположение писателя, Маяковский... «Горького ненавидел», – вспоминал Р. Якобсон (Якобсон 1993: 6). На памяти критика был случай, когда Маяковский «предлагал Блюмкину вместе устроить вечер и выступить против Горького» (Якобсон 1993: 6), в другой раз (дело было на квартире Якобсона в Праге в 1927 г.) Маяковский довольно жестко говорил о Горьком как об «аморальном явлении», имея в виду пребывание последнего на о. Капри в «тяжелую для страны минуту» («Пусть приезжает. Чего он там сидит?»). Если и можно оправдать такую позицию Маяковского, то только обостренным чувством гражданской ответственности. Непримируемость же Маяковского к другим современным поэтам, одних из которых он, будучи «урбанизированным технократом», называл «мужиковствующих сворой», а других – бледных пролетарских поэтов – «однаобразным пейзажем», может быть отчасти объяснена тем, что Л.Ф. Алексеева определяет как «классовая борьба в литературе», обусловленная противостоянием убеждений и идеалов (Алексеева 1994: 177). Однако, по мнению автора, «страсть и непосредственность полемической увлеченности не предполагала <...> уничтожения оппонента» (Алексеева 1994: 177), подтверждением чему может служить выношенное утверждение поэта: «А мне / в действительности / единственное надо – / чтоб больше поэтов / хороших / и разных» («Послание пролетарским поэтам», 1926) (Маяковский 1958: 153). Сохранилось свидетельство сочувственного отношения Маяковского к творчеству «поэтических оппонентов», в частности, исповедовавшей акмеизм А. Ахматовой. По словам С.А. Коваленко, влюбленный Маяковский чаще всего «читал Ахматову», а она, в свою очередь, вообще стирала границы между собой, Маяковским и Пастернаком, представляя истоком всех троих поэзию И. Анненского (Коваленко 1992).

Далее, помимо свидетельств современников поэта о его беспримерном самодурстве и грубости к публике и критикам, которых он – чаще в одностороннем порядке – причислял к своим противникам, существует блок точек зрения противоположного значения. Согласно им, вовсе Маяковский не терроризировал публику по собственной инициативе, а, напротив, это *публика виновата* в том, что провоцировала Маяковского и сама была возмутительно груба с ним. Так, об уже упоминавшемся турне футуристов по стране (1913–14 гг.) сохранилось свидетельство В. Нежданова, выбивающееся из общего хора обличителей футуристов и, в частности, Маяковского в хулиганстве. По словам Нежданова, футуристы, *вопреки ожиданиям*, «говорили о футуризме <...> понятно, интересно, а порой даже очень красиво» (РГА-ЛИ. Ф. 2577. Нежданов). Кроме этого очевидного плюса футуристам вообще в статье есть комплимент Маяковскому как хорошему психологу, могущему точно предугадать дальнейшее развитие своего выступления и реакцию зрителей. Такая дальновидность, считает автор,

может служить оправданием несколько экзальтированной футуристической самоуверенности Маяковского («Я человек талантливый, – заявил Маяковский, – и вы, господа, проводите меня аплодисментами» (РГАЛИ. Ф. 2577. Нежданов)), которая поначалу рассмешила публику. Однако по окончании чтения, действительно, публика «очень горячо ему аплодировала». «Очевидно, – заключал критик, – футурист Маяковский лучше знает публику, чем публика футуриста Маяковского» (РГАЛИ. Ф. 2577. Нежданов).

Более того, в статье Нежданова впервые появляется мотив, ставший центральным в свидетельствах современников, оправдывавших грубость Маяковского, а именно *критика публики*, заранее предубежденной против поэта и не желающей с этой предубежденностью расстаться ни при каких обстоятельствах. С негодованием автор писал: «Смотреть на “живых” футуристов идут с такими же ожиданиями, с какими идут смотреть дикарей. Именно идут не слушать футуристов, а смотреть. Публика уже определенным образом настроена, предубеждена <...> приготовилась негодовать, возмущаться». И хорошо бы, если бы предубеждение это подтвердилось услышанным! Но публика просто не хотела менять своей точки зрения: «Нельзя смеяться над чем-нибудь только по той причине, что мы этого не понимаем. А публика в большинстве не понимала и – самое характерное для нее – не хотела понимать». Поэтому, подытоживает свое рассуждение автор, «если кто-нибудь имел право смеяться, то именно: Маяковский над публикой», проявившей невежество и упрямство.

П. Тычина в статье на 10-ю годовщину смерти Маяковского связывал предубеждение и возмущение публики по отношению к нему с появившейся *модной тенденцией*. Описывая выступление поэта в Колонном зале Дома Союзов на вечере украинских и русских писателей 11 февраля 1929 г., автор писал: «Не обошлось, *как обычно*, без нападок на Маяковского. Я говорю “как обычно”, потому что нападки на него тогда были в моде» (Тычина 1940).

Мода на резкие выпады в сторону Маяковского приобретала характер охватившей литературно-критическое общество тех лет эпидемии. Оглядываясь с высоты прошедших лет на происходившее вокруг Маяковского в Советской стране, оппонент поэта Р. Гуль подвел в 1969 г. своеобразный итог «эволюции» отношения к поэту-революционеру: «Многоголосый хор противников Маяковского атаковывал его в течение многих лет <...> В “духовном мещанстве”, в “мещанском анархизме”, в “примитивизме” <...> печатно обвиняли Маяковского М. Горький, А. Воронский, А. Лежнев, Л. Сосновский, И. Гроссман-Рощин <...> РАПП нападал на Маяковского, называя его “хам, нахал, клоун”. В этом же роде нападали даже некоторые левовцы <...> Его не признавала и публика и, в частности, конечно, пролетариат» (Гуль 1969: 278). Сравнительно же слабые голоса формально-левых поэтов и критиков формалистов не могли перекрыть этот хор. Маяковскому приходилось надеяться на свои силы.

Тему незаслуженности оскорблений со стороны негативно настроенной публики и в силу этого оправданности ответной грубости Маяковского продолжил в статье «На свою полочку» О. Александрович. Он счел жесткость поэта вынужденным, но необходимым средством защиты от нападок воинственных оппонентов. Вспоминая литературную дискуссию в Доме Печати (1921), Александрович сочувственно констатировал, что «глава Российского футуризма В. Маяковский, разгоряченный *нападками* на него и на возглавляемое им направление, в конце концов стал грозить своим оппонентам с кафедры кулаками» (Александрович 1921). И был по-своему прав.

Оглядываясь на футуристическое прошлое, В. Шершеневич в поэтических воспоминаниях 1910–1925 гг. «Великолепный очевидец» (опубликованы в 1932 г.) вслед за Александровичем оправдывал показную грубость поэта необходимостью защищаться. «Движенья были грозны, поза смахивала на сказочного богатыря на новгородском мосту (“где махнет перелучек”), – писал Шершеневич, – но лицо так напоминало обиженного злым дядей ребенка... Он не нападал, он защищался» (о выступлении футуристов в кафе «Розовое домино» в 1913 или 1914 г. (Шершеневич 1932: 111)).

Ю. Анненков, зная о воздействии устрашающей манеры поведения и без того обладающего внушительной фигурой поэта, разяснял: «Маяковский сознательно совершенствовал топорность своих жестов, <...> презрительность и сухость складок у губ. К этому выражению недружелюбности он любил прибавлять надменные, колкие вспышки глаз» (Анненков 1960: 63). Маяковский *играл* грубияна, хулигана в поэзии. Таким образом ему было легче «укутаться от осмотров» свою «часто смущавшуюся» душу. В подтверждение своих слов Анненков приводил высказывание из речи Вс. Мейерхольда на собрании московских работников искусства 26 марта 1936 г. в Москве. Долгое время работавший совместно с поэтом над постановками его драм, прислушивавшийся к его замечаниям авторитетный театральный режиссер говорил: «Бывают моменты, когда художник *кажется* самодовольным, самоуверенным и грубоватым. Таким казался иногда В. Маяковский. Но эта *напускная самоуверенность* была для него своеобразной броней, защитой от нападавших на него консерваторов». Эта «напускная жесткость» не могла ввести в заблуждение благожелателей поэта, и уж они-то видели, что грубость Маяковского была «беспредельно хрупкой» (Анненков 1960: 63). Так, Горький, например, называл Маяковского «хулиганом от застенчивости»: «Он болезненно чуток, самолюбив, а потому и хочет прикрыться своими дикими выходками» (по свидетельству Б. Юрковского) (Катанян 1985: 115).

Самовлюбленная косная публика не раз была атакована в статьях крупных теоретиков поэзии – Н. Гумилева и О. Мандельштама. В статье «Читатель» (1923) Н. Гумилев с негодованием отмечал возмутительную самоуверенность рядового читателя (это с легкостью может быть отнесено и к слушателю, и вообще к адресату лирики), стойкое нежелание понять обращающегося к нему (Гумилев 1990: 61). Эпатирующее «искусство-неожиданность» футуриста Маяковского или обличительная направленность его пореволюционной социальной сатиры мало кому могли понравиться.

О. Мандельштам в статье «Выпад» (1928), продолжая мысль Гумилева, уличал читателя в снобизме и избалованности (Гумилев 1990: 45). Брезгливо гримасничающего при виде не понравившегося в поэзии читателя Мандельштам предлагал «поставить на место». С точки зрения Мандельштама, сценическое поведение Маяковского, грубящего в ответ на грубость публики, выглядит не только оправданным, но и единственно необходимым *противодействием*.

Однако нельзя утверждать, что в грубости и показной жесткости Маяковского к публике, как в выступлениях, так и в стихах, видели только средство *самозащиты* от нападок. Много споров среди критики вызвало использование поэтом в своем творчестве разнообразных *вульгаризмов* – бранных слов, просторечных, несущих нагрузку экспрессивной окрашенности. Так, Ю. Карабчиевский считает, что их использование не может быть оправдано, тем более что поэт «по-разному оценивает <...> одинаковые или близкие слова и образы в зависимости от того, к кому они относятся: к *нему ли самому* или к кому-то другому, кого он <...> назначает врагом. Вот он издевается над лирическими поэтами: «Вы, обеспокоенные мыслью одной – *изящно* пляшу ли». И тут же: «Невероятно себя нарядив, пойду по земле, чтоб *направился* и жегся» (Карабчиевский 1990: 13). Неравнозначность трактовки одного и того же высмеиваемого качества поэтов – желания красоты – в отношении себя и других – налицо. Подобная «несправедливость» Маяковского может быть проиллюстрирована и другими строками: поэт говорит о своей душе как об окровавленном знамени в руках людей и об «окровавленных тушах лабазников». Однако в первом случае кровь – символ великой жертвенности поэта, а во втором – повод для праздника (Карабчиевский 1990: 13).

В противовес ироническому замечанию Карабчиевского можно привести точку зрения современного исследователя Б. Гончарова, который не считает использование Маяковским грубых и бранных слов, а также «выборочную» их направленность показателем личной озлобленности Маяковского, неумения видеть критикуемые противоречия в себе, равно как и только средством защиты от выпадов оппонентов. По мнению Гончарова, просторечные сло-

ва, вульгаризмы («барская орава», «ответственный *хлещет* Абрау», «лахудрица», «обжоры» и пр.) служат в поэтической речи Маяковского одним из художественных средств «предельной экспрессии, которая возникает на эмоциональной волне гнева», и несут в себе оценочное значение (Гончаров 1983: 150–151). Приведенная точка зрения возвращает образу Маяковского черты злободневного, не боящегося «острых углов» поэта, приостанавливая складывание на основе мнений современников о «нежном» Маяковском представления о его «мягкотелости» (ср.: «Помню почти нежные глаза Маяковского, когда он слушал новые поэмы Есенина. А Есенин не любил Маяковского» (Шершеневич 1932: 109)).

Помимо средства самозащиты и создания художественной экспрессии «грубость» послереволюционного Маяковского выводилась из одной особенности современного ему периода советского государства, а именно – из существования понятия «государственный заказ». Так, в ответ на обвинения критиками–эмигрантами в продажности и стремлении служить новой власти ради поправки собственного материального положения (например, мнения М. Осоргина (Осоргин 1924: 457), Н. Евреинова (Евреинов 1953: 160), А. Яблоновского (Яблоновский 1927: 4) и др.), Ю. Анненков напоминал, что таковы во многом были обстоятельства – Маяковский «вынужден был высмеять, оклеветать русскую эмиграцию. Это входило в получаемый им «соц. заказ» (Анненков 1960: 80). Не учитывался, однако, Анненковым тот факт, что в большинстве случаев критика эмиграции и западного буржуазного строя были искренними со стороны Маяковского. Так он реализовывал свое представление о вкладе в дело борьбы со старым, в пропаганду советского образа жизни. Так или иначе, выполнение подобного «соц. заказа» не является показателем тиранической сущности личности Маяковского, его озлобленности против оппозиции, в чем пыталась обвинить поэта эмигрантская критика.

Таким образом, на основе произведенного анализа двух блоков противоположных точек зрения касательно природы «грубости» Маяковского к оппозиции, можно заключить следующее. В основе подобного амплуа поэта, согласно одной точки зрения, лежит тиранически-воинственная сущность личности самого Маяковского, не терпевшего «затишья» в своей творческой карьере и искавшего терний даже в атмосфере совершеннейшего благожелательства со стороны критико-зрительской аудитории. Таким образом он мог реализовать свое горячее желание доказать истину, а себе создать скандальную славу, что помогло бы ему побороть комплекс собственной малозначительности и занять имидж «твердокаменного бойца». Согласно другой точке зрения, грубость Маяковского по отношению к аудитории в большинстве случаев была напускной (при этом тщательно репетируемой) и вынужденной – средством защиты от нападков косной самодовольной публики. Средством художественной экспрессии и – после революции – вкладом в выполняемый активистами «от литературы» «соц. заказ». Думается, что в разных ситуациях и конкретных художественных текстах поэтическое амплуа Маяковского давало поводы для столь противоположных обобщений. Критики и мемуаристы, споря друг с другом, нередко имели в виду далеко не одни и те же ситуации и художественные тексты.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Л. Ф. 1994. Поэзия // Кременцова Л. П. (ред.). Очерки русской литературы XX века (после 1917 года): Учебное пособие. Кн. I. 20–30-е гг. М.: МПУ, 122–178.
- Анненков Ю. 1960. Путь Маяковского // Возрождение 106, 62–91.
- Брюсов В. 1975. Собрание сочинений: В 7 т. / Под ред. П.Г. Антокольского. Т. 6. Статьи и рецензии 1893–1924. Из книги «Далекие и близкие». М.: Художественная литература.
- Гончаров Б. 1983. Поэтика Маяковского. Лирический герой послеоктябрьской поэзии и пути его художественного утверждения. М.: Наука.
- Гуль Р. 1969. Сергей Косман. Маяковский. Миф и действительность. Париж. 1968 (83 с.) // Новый журнал 96, 277–280.
- Гумилев Н. С. 1990. Письма о русской поэзии. М.: Современник.
- Евреинов Н. 1953. О покойниках, осмеявших покойников // Возрождение 25, 158–161.

- Карабчиевский Ю. А.* 1990. Воскресение Маяковского. М.: Советский писатель.
- Катанян В. А.* 1985. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. 5-е изд., доп. М.: Советский писатель.
- Коваленко С. А.* 1992. Ахматова и Маяковский // Царственное слово. (Ахматовские чтения): Сборник. М.: Наследие, 166–180.
- Култышева О. М.* 2001. Поэзия В. Маяковского в восприятии участников литературного процесса 1910–1920-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. М.
- Култышева О. М.* 2003. Феномен В. Маяковского: восприятие современников. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
- Лившиц Б.* 1933. Полутораглазый стрелец. (Воспоминания). Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, тип. «Печатный двор».
- Маяковский В. В.* 1958. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7 / Катанян В. А. и др. (подгот. текста и примеч.). М.: Гослитиздат.
- Мих. Ос. (М. Осоргин).* 1924. Владимир Маяковский. Для голоса (рец.) // Современные записки 22, 455–458.
- РГАЛИ. Ф. 1497. Каменский Василий Васильевич. Оп. 2. Ед. хр. 12. Воспоминания о В. В. Маяковском. 1930-е. «Маяковский-юноша в Тифлисе» (из «Книги воспоминаний»).
- РГАЛИ. Ф. 2145. Шершеневич Вадим Габриэлевич. Оп. 1. Ед. хр. 73. «Великолепный очевидец» (Поэтические воспоминания 1910–25 гг.). 1932.
- РГАЛИ. Ф. 2577. Брик Лиля Юрьевна, Катанян Василий Абгарович. Оп. 1. Ед. хр. 1303. Статьи, заметки, информация о жизни и творчестве В. Маяковского (1914–15). Кий. Удостоились // Голос Кишинева. 1914. 23 янв.
- РГАЛИ. Ф. 2577. Брик Лиля Юрьевна, Катанян Василий Абгарович. Оп. 1. Ед. хр. 1303. Статьи, заметки, информация о жизни и творчестве В. Маяковского (1914–15). Нежданов В. Футуристы // Трудовая газета. Николаев. 1914. № 1419 (26 янв.).
- РГАЛИ. Ф. 2577. Брик Лиля Юрьевна, Катанян Василий Абгарович. Оп. 1. Ед. хр. 1305. Статьи, заметки и информация о жизни и творчестве В. Маяковского (1918–1922). Александрович О. На свою полочку // Вестник литературы. 1921. № 3 (27).
- Тычина П.* 1940. Он открыто говорил с народом // Коммунистический Киев. 14 апр.
- Эренбург И.* 1961. Люди, годы, жизнь. Кн. 1/2. М.: Советский писатель.
- Этторе Ло Гамто.* 1992. Мои встречи с Россией. М.: Кругъ.
- Яблоновский А.* 1927. 80 тыс. верст вокруг г-на Маяковского // Сегодня. Рига 144.
- Якобсон Р.* 1993. «Этот человек был абсолютно не приспособлен для жизни». Из воспоминаний // Литературная газета 26. 30 июня.